

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ

УДК 39+325.1+ 479.224

© Р.Ш. Зельницкая (Шларба)

АБХАЗСКИЕ РЕПАТРИАНТЫ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Статья посвящена абхазским репатриантам, которые, в силу различных причин, решили вернуться на историческую родину в конце XX – в начале XXI вв., проблемам, с которыми они сталкиваются в процессе адаптации. В статье описываются две группы репатриантов и обращается внимание на отличие проблем, которые возникают перед ними. Среди таковых наиболее острой является языковая проблема.

Ключевые слова: репатрианты, Турция, Сирия, диаспора, адаптация

Целью данного исследования является анализ социальных и экономических обстоятельств адаптации абхазов-репатриантов, возвращающихся из Турции и Сирии на историческую родину. В статье рассматриваются история начала процесса репатриации в конце XX в., основные различия между двумя группами репатриантов, а также проблема государственного регулирования процесса репатриации в условиях существования Абхазии как «полупризнанного» государства.

Первый обобщающий очерк по зарубежным абхазам принадлежит Г.А. Дзидзария. В его монографии посвященной проблемам истории Абхазии позапрошлого столетия, основанной на огромном количестве разнообразного фактического материала, нашли широкое освещение не только вопросы многосложной истории выселения абхазских и других кавказских горцев в Турцию, но и дальнейшая тяжелая судьба мухаджиров и их потомков. В монографии даются краткие сведения о пребывании абхазов в Сирии, Иордании и Египте [1]. Более развернутый очерк по этой тематике написан Ш.Д. Инал-ипа. В своей работе «*Зарубежные абхазы*» (1990) он рассматривает вопросы абхазской диаспоры со времени ее образования в первой половине XIX века и до конца XX века [2]. В обеих работах основное внимание уделяется абхазам, проживающим в Турции, другие же регионы в работе затронуты мало. Еще один обобщающий очерк по теме можно найти в работе Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* (1991). Нельзя не отметить и статью Ю.Г. Аргун в коллективной монографии «*Абхазы*» (2007), в которой содержится богатый материал о жизни потомков мухаджиров за пределами родины [3].

Среди специальных исследований, посвященных изучению проблемы абхазского зарубежья в арабском мире, выделяется статья Л. Кучберия на абхазском языке, в которой она детально описывает семейную жизнь абхазов, проживающих в арабских странах [4]. Другой представляющей интерес работой является исследование раннего этапа пребывания абхазов в Египте Р.Х. Гожба (в другой транслитерации –

Р.Х. Гуажба) [5], а Б.Б. Шинкуба пишет о народах Западного Кавказа и Османской империи во второй половине XIX – первой половине XX века и последствиях мухаджирства [6]. Этим в основном исчерпывается историография проблемы в ее узком, абхазском, аспекте. Единственным диссертационным исследованием по данной проблематике стала работа Э.А. Гургулия «*Абхазы в структуре Северокавказской диаспоры в арабском мире (XVIII–XX вв.)*» (2014), в которой автор рассматривает абхазов в сообществе с другими выходцами с Северного Кавказа [7].

В данной статье в качестве источников, кроме полевого материала, будут использованы отдельные работы по истории возникновения абхазской диаспоры, а также статьи-интервью с сайтов On Kavkaz.com и iamik.ru.

При проведении интервью в ходе полевых исследований предпочтение было отдано персонализированному подходу, то есть опросу информантов методом глубинного интервьюирования, которое позволяет более детально и глубоко проанализировать процесс адаптации репатриантов и степень интенсивности их коммуникации с коренным абхазским населением. В работе также были использованы материалы предшественников, занимавшихся историей возникновения абхазской диаспоры в Турции и Сирии. Знание автором причин возвращения абхазов на родину и их образа жизни позволило избежать негативного отношения к нему со стороны репатриантов. Тем не менее, в ходе полевой работы он столкнулся с определенными трудностями. Самой главной проблемой был языковой барьер. Особенности сложности возникли в среде репатриантов из Сирии, большая часть которых говорит только на арабском языке.

Основные исследования проводились автором в Республике Абхазия в августе 2016 года в местах компактного проживания репатриантов.

История возникновения абхазской диаспоры в Турции и Сирии

Конец XVIII века и весь XIX век – черная страница не только в истории абхазов, но и всех народов Северного Кавказа. В результате событий, происходивших на протяжении столетия, многие из них, оказались на грани полного исчезновения. Начавшаяся в первой четверти XIX века Кавказская война и многочисленные русско-турецкие войны стали причиной насильственного выселения коренного кавказского населения в страны Ближнего Востока (Турция, Сирия), вошедшего в историю как «*мухаджирство*»¹. Таким образом, переселенческое движение из Абхазии на протяжении XIX века было частью более общего процесса, получившего широкое распространение на всей территории Кавказа и носившего частично насильственный характер.

«Кавказская миграция – беспрецедентный случай в истории человечества за последние двести лет (сравнимый разве что с Великим исходом евреев из Египта), когда в результате войны один народ – адыги (современные черкесы, кабардинцы и адыгейцы) – был выселен почти полностью (около 90% населения), а другие – частично» [8].

Суть политики Российской империи на Кавказе, с предельной четкостью сформулированная в свое время императором Николаем I в рескрипте на имя главнокомандующего на Кавказе И.Ф. Паскевича, заключалась в «усмирении навсегда горских народов или истреблении непокорных». Любое сопротивление подавлялось силой оружия в ходе карательных экспедиций. По официальным данным, экспедиционный отряд генерала Н.Н. Муравьева в декабре того же года оставил «совершенно пустым» абхазское горное село Дал с населением около 6 тыс. человек. Другой пример

политики – приказ М.С. Воронцова (наместник на Кавказе в 1844–1854 годах) № 69 от 19 ноября 1853 года по Отдельному Кавказскому корпусу, в котором отмечалась «заслуга» генерала Козловского, который «истребил все окрестные аулы, а равно заготовления, сделанные жителями на зиму». «*Мухаджирскими*» годами для Абхазии стали 1810, 1821, 1824, 1830, 1837, 1840–1841, 1855, 1864, 1867, 1877. В первой половине XIX века в Турции проживало до 30 тыс. абхазов. А только в результате *мухаджирства* 60–70-х годов XIX в. Абхазию покинули около 80000 абхазов [9].

Вследствие *мухаджирства* на территории ряда регионов Ближнего Востока и Северной Африки, входивших в состав Османской империи (ныне – территории Турции, Сирии, Иордании, Израиля, Египта, Туниса и других государств), образовалась значительная по численности, географии расселения и степени общественно-политического влияния абхазская диаспора. Она была включена в достаточно сложную полиэтническую общность – северокавказскую диаспору, в которую в настоящее время входят практически все народы Северного Кавказа: адыги, абазины, осетины, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши и большинство народов Дагестана.

Северокавказская диаспора в арабском мире известна как *ал-шаракис*, т.е. «черкесы». Данное обстоятельство можно объяснить тем, что этноним «черкесы» в прошлом применялся как обобщающий по отношению к нескольким этносам, самоназвание которых было «адыге». Помимо абхазов, к ним относятся современные адыгейцы, кабардинцы, черкесы и абазины. Адыгейский язык вместе с абхазским, абазинским, кабардинским и убыхским входит в абхазо-адыгскую группу северокавказской языковой семьи.

На ранних этапах эмиграции большую часть северокавказских переселенцев составляли собственно черкесы, поэтому это название стало собирательным как для адыгов, так и для всех выходцев с Северного Кавказа. По этому поводу турецкий генерал, шапсуг по происхождению, Исмаил Беркок в своем труде писал: «Каждый адыг является черкесом, однако, не каждый черкес является адыгом. Это положение сохраняет свою актуальность и по сей день» [10].

По сообщению известного тюрколога В.В. Цибенко: «По политическим мотивам *«черкесскость»* долгое время была под запретом, а лидеры черкесского движения были объявлены изменниками за попытку ведения независимой политики в поддержку султанской власти. При установлении республиканского строя черкесские организации были закрыты, а лидеры черкесского движения объявлены изменниками за попытку ведения независимой политики, поддержку султанской власти и халифата. По принципу коллективной ответственности виновными за действия отдельных лиц считались все турецкие черкесы. С этого времени начинается формирование диаспорального самосознания у потомков махаджиров. Быстрое увеличение количества турецких граждан кавказского происхождения, приходится на 70-е годы XX века, когда «урбанизация обеспечила приток в город молодежи из глубинки» [11]. Сложившаяся ситуация способствовала сплочению, а коллективный страх неизбежной ассимиляции заставлял людей искать опору в общем прошлом. Именно по этим причинам в настоящее время представители диаспоры следят за событиями, происходящими на их исторической родине, и в ряде случаев диаспора выступает в качестве активного политического актора, что достаточно ярко проявилось в период драматических событий в Абхазии (1992–1993) и Чечне (1994).

В течение всего XX века, когда в СССР правил коммунистический режим, мухаджиры не могли не только посещать Абхазию, но и поддерживать связь со своими соотечественниками. В период пребывания у власти М.С. Горбачева местные абхазы и мухаджиры впервые получили возможность по специальному приглашению ездить друг к другу. Одними из первых, кто смог увидеться с родственниками-мухаджирами были представители интеллигенции и участники музыкальных и танцевальных коллективов Абхазской АССР. В 1990 г. советский хореограф К. Тарба специально отправился в Турцию и создал танцевальный коллектив из турецких мухаджиров. Затем он добился организации гастрольного тура ансамбля по всей Абхазии. Это событие, как для коренных абхазов, так и для мухаджиров имело огромное значение. Потомки мухаджиров впервые в жизни увидели свою историческую родину и соприкоснулись с абхазской культурой, абхазы же, в свою очередь, были рады увидеть потомков тех, кто насильственно был выселен из Абхазии.

О некоторых ярких моментах связанных с возвращением мухаджиров очевидцы до сих пор с волнением вспоминают: «Одним из первых, кто приехал из Сирии был врач, экс-депутат Парламента Сирии и один из лидеров черкесской диаспоры на Ближнем Востоке на Ближнем Востоке Шараф Маршан. Его встретили в аэропорту. По дороге в Абхазию он спросил: “Мы уже в Абхазии?” Когда ему ответили, что они уже едут по Абхазии, он попросил остановить машину. Все в недоумении наблюдали, что будет дальше. Он вышел из машины наклонился и поцеловал землю. Присутствующие были так впечатлены увиденным, что не смогли сдержать слез» [12: Нанба].

С 1991 года, после распада СССР, среди мухаджиров оказалось немало желающих переехать на постоянное место жительства на историческую Родину. Причиной, побуждавших потомков мухаджиров вернуться, была не только тоска по родной земле, но и боязнь ассимилироваться в турецкой или сирийской среде, а также неудовлетворенность своим положением на новой Родине. Здесь следует привести замечания В.В. Цибенко (Ивановой), которая пишет об отношении турецких мухаджиров к Родине: «В это время появляется разделение на главную Родину, или Родину-мать (*анаватан, Кавказ*), и просто родину (*ватан, Турция*)» [13].

Полевой материал моей статьи свидетельствует, что турецкие мухаджиры разделяют понятие Родины по отношению к Турции и Абхазии. Оказавшись в Турции, представители отдельных сел старались по возможности селиться компактно. Местам своего расселения они присваивали абхазскую топонимику, которая частично сохранилась и по сей день. В ходе беседы с представителем турецкой диаспоры я спросила его: «Собирается ли он в этом году он поехать в Джгерду (село в Абжуйской Абхазии)?», на что он мне ответил вопросом: «В какую Джгерду: абхазскую или турецкую?» [12: Шларба].

Таким образом, первые репатрианты, решившие вернуться на родину, были из Турции. Это было связано с тем, что у турецких абхазов лучше сохранилась память о своем историческом прошлом. После окончания грузино-абхазской войны в 1993 г. в Абхазию приехали десятки потомков мухаджиров, но из-за тяжелых послевоенных условий и разрухи многие из них вернулись обратно в Турцию. Тем не менее, возвращение репатриантов на протяжении всех 1990-х годов не прекращалось, в связи с чем в 1993 г. в Абхазии был создан Государственный комитет по репатриации, но государственной программы по репатриации как таковой не существовало, хотя

попытки ее разработать предпринимались. В 1998 г. парламент Абхазии принял закон «О репатриации», согласно которому репатриантами были признаны потомки этнических абхазов (абаза), переселенных из Абхазии в XIX веке в результате российско-турецких войн и политических выступлений против колониальной политики Российской империи; они получили право вернуться в Абхазию. Причем они наделались теми же правами, что и жители Абхазии. В 2011 г. Леониду Лакербая, тогдашнему премьер-министру Абхазии, был представлен проект госпрограммы по репатриации, созданный на основе разработанной ранее концепции Госкомитета. Эта программа касалась всей абхазской диаспоры, проживающей в 53 странах мира и была направлена на сохранение этноса и языка. «Репатриация, то есть объединение народа, и решение демографической проблемы в целом должны стать национальной идеей. Наряду с сохранением языка и культуры. Это вопрос безопасности нашего государства, вопрос существования нации», – отмечал председатель Государственного комитета Абхазии по репатриации Вадим Харазия в интервью для РИАИ [14].

В настоящее время Комитет по репатриации продолжает вести активную работу с мухаджирами и занимается благоустройством быта репатриантов: им предоставляется жилье в Сухуме, Дранде, в селах Гульрипшского и Очамчирского районов и оказывается ежемесячная финансовая помощь в размере 10 тыс. рублей (270 долларов). Дети дошкольного и школьного возраста по ходатайству Госкомитета поступают в детские сады и школы. 28 студентов из числа репатриантов сегодня учатся в Абхазии, лучшие из них получают стипендию Омара Бейгуаа. Таким образом, первые пять лет после переезда, власти оказывают поддержку репатриантам в соответствии с законом о репатриации [Там же].

В последнее десятилетие в мусульманских странах растет нестабильность. Начавшаяся гражданская война в Сирии подтолкнула потомков мухаджиров искать убежище на своей исторической родине. В Абхазии силами Комитета по репатриации было развернуто широкое общественное движение за поддержку и возвращение братьев домой. По официальным данным, к 2014 г. в Абхазии проживало уже около 3000 репатриантов из Турции и Сирии. В настоящее время их число составляет более 4000 человек.

Координатор кавказского отделения EurasiaNet в Тбилиси Элизабет Оуэн, в статье Абхазская диаспора мечтает о возвращении домой еще в 2009 г. писала о настроениях отдельных представителей абхазской диаспоры в Турции. Некоторые пожилые абхазы показывали ей фотографии своих предков и говорили, что мечтают хотя бы раз увидеть Абхазию, где говорят на родном языке. Ее исследования показали, что большинство опрошенных готовы и хотят вернуться на историческую родину, но немногие на это решаются, что связано с боязнью, оставить налаженную жизнь. «Турция открыла нам свои объятия, и мы очень благодарны ей за это, – говорит абхаз Тургут Сило, владелец транспортной компании из турецкого города Инегол близ Бурсы. – Мы никогда не забывали о наших корнях, но свою судьбу мы связали с этой страной» [15].

Говоря о проблемах репатриации в Абхазии, следует указать, что, например, в 2015 г. зарегистрировались 324 человек старше 16 лет, из них абхазские паспорта получили 124 человека. Здесь встает вопрос, все ли репатрианты получают абхазские паспорта? Представитель Комитета по репатриации пояснил, что абхазские паспорта получают те, кто докажет свое абхазское происхождение. При возвращении

в Абхазию потомки мухаджиров стараются вернуть свои абхазские фамилии. У тех, кто возвращается из Турции, проблем со знанием своей абхазской фамилии проблем не возникает. Со сложностями сталкиваются сирийские мухаджиры, поскольку они подверглись большей ассимиляции, чем турецкие, и многие из них не сохранили свои абхазские фамилии. Причиной этому является, во-первых, их малочисленность в Сирии (по одним данным 1200 семей, по другим – 1200 человек), во-вторых, разбросанность по всей Сирии. Так, можно привести пример, когда семья в ходе изучения документов была причислена к фамилии Догуз, но благодаря дополнительным исследованиям архивных материалов удалось точно установить, что они являются представителями фамилии Аргун [12: Маршан].

Несмотря на поддержку, оказываемую репатриантам правительством и Комитетом по репатриации, между потомками мухаджиров и местными абхазами возникают некоторые проблемы, и одна из наиболее важных – языковая. В первую очередь это касается репатриантов из Сирии. В то время как турецкие репатрианты в большей или меньшей степени говорят по-абхазски, сирийские репатрианты говорят только на арабском и кабардинском языках и, реже, дополнительно на английском языке. Если в Турции среди абхазской диаспоры языком общения является абхазский язык, то в Сирии – кабардинский, это объясняется тем, что здесь кабардинцы составляют большинство черкесского населения страны. По некоторым данным, их количество превышает 25 000 человек.

Если с представителями турецкой диаспоры зачастую работают этнические турки, выступая в качестве переводчиков, то для репатриантов из Сирии были созданы специальные школы, где они могут обучаться абхазскому и русскому языкам. Тем не менее, часть из них до сих пор не говорит на этих языках. Так, представительница фамилии Куджба – по профессии фармацевт, но поскольку она так и не выучила абхазский или русский языки, не может найти работу по специальности и работает в кафе, владельцем которого является также репатриант из Сирии. Интересно, что некоторые выходцы из Сирии отказываются учить абхазский язык, объясняя это тем, что он очень сложный и поэтому учат русский, также являющийся языком общения в Абхазии.

Кроме того, со слов местных абхазов «репатрианты и не хотят учить абхазский язык, многие из них мечтают вернуться в Сирию, а Абхазия для них является перевалочным пунктом» [12: ПМА 2016].

Сами же репатрианты свое отношение к Абхазии выражают так: «Нас Абхазия приняла. Конечно, нам хотелось бы работать не в сфере обслуживания, а по специальности. Если мы уедем, то получится, что мы предаем нашу историческую родину» [12: Джения]. С другой стороны, сирийские репатрианты понимают, что, получив абхазские паспорта, они не могут уехать из Абхазии в Европу, как это сделали другие эмигранты, так как Абхазия является непризнанным большинством международного сообщества государством, и абхазский паспорт позволяет въезжать только в Россию или в те государства, которые признали ее как независимое государство. Таким образом, они могут уехать только обратно в Сирию.

Кроме языкового барьера, сирийские репатрианты сталкиваются с незнакомой абхазской жизнью: местными обычаями и отсутствием среди абхазов практикующих мусульман. Турецкие и сирийские репатрианты по вероисповеданию являются мусульманами, но между ними есть различия. Приверженность к исламу среди турецких репатриантов выражается в том, что они не едят свинину и не пьют алко-

гольные напитки, в то время как некоторые сирийские репатрианты носят хиджаб и большинство из них соблюдают мусульманские пищевые запреты. На мой вопрос ходят ли они в мечеть, последние давали отрицательный ответ. Одна информантка сказала: «Дома мама (ее свекровь) за нас всех молится» [12: Аргун].

Интересно как меняется внешний вид и отношение к религии сирийских репатриантов. Если в первое время они носили хиджабы и старались ходить в молельный дом (в Абхазии нет ни одной мечети), то в настоящее время совершают намаз только дома и одеваются уже по-европейски, то есть как все абхазы. Возможно, на это повлияли местные абхазы (негативно относящиеся к исламу), так как молодые люди на работе и на учебе начинают заводить с ними знакомства или даже дружбу. Кроме того, репатрианты, определенно стремятся выглядеть, как все. Тем не менее, несмотря на внешние изменения, внутренний мир сирийских репатриантов, похоже, остается прежним, о чем можно судить по их способу решения matrimониальных вопросов. В большинстве случаев они все еще хотят жениться или выйти замуж за мусульманина, но несмотря на то, что некоторая часть абхазов считаются мусульманами, не рассматривают их в качестве потенциальных жен или мужей, поскольку они не являются мусульманами по образу жизни. В этом они существенно отличаются от турецких репатриантов, которые довольно часто женятся на местных абхазских девушках и говорят о своей религиозности следующее: «Мы не помешаны на религии» [12: Маргания].

Что касается турецких репатриантов, то они легче адаптируются и быстрее включаются в экономическую, политическую и социальную жизнь местных абхазов. Это можно объяснить тем, что, во-первых, они начали возвращаться раньше, во-вторых, сохранили язык и, в-третьих, традиционные обычаи для них не являются чуждыми. Что касается религиозных предпочтений, то среди них реже встречаются практикующие мусульмане, что объясняется тем, что даже в Турции ислам в их жизни не имел большого значения. Они еще реже, чем сирийские репатрианты, ходят в мечеть. Работник Комитета по репатриации Аляс Нанба поделился увиденным в Турции: «Мы находились в Турции в гостях у одного абхаза в селе Гумма. Мы слышали каждый день, как муэдзин призывает на намаз. Наши соотечественники, как ни в чем не бывало, сидят с нами, пьют кофе и продолжают общаться. Один день, второй, третий... на четвертый день приходит в этот дом местный мулла и говорит: “Вы хотя бы приходите в пятницу в мечеть, перед турками неудобно, поддержите меня”. – Анализируя увиденное, я пришел к тому, что наши соотечественники, когда встает вопрос [выбора] между религией и гостеприимством они выберут второе» [12: Нанба].

Мои полевые исследования свидетельствуют, что, действительно, турецкие репатрианты отличаются от сирийских по укладу жизни и занятиям. Практически все турецкие репатрианты заняты в сфере бизнеса и торговли, в то время как сирийские либо работают в сфере услуг, либо в государственных учреждениях – больницах, учебных заведениях, учреждениях культуры, на телевидении и т.д.

Как сирийские, так и турецкие абхазы с однофамильцами, родившимися и живущими в Абхазии, видятся редко. Их общение, как правило, ограничивается участием в похоронно-поминальных обрядах и посещением свадеб, но сами они при этом говорят, что хотели бы больше общаться со своими однофамильцами. Этому мешают сложившиеся культурные различия обеих групп. Кроме того у обеих групп в отношении друг к другу завышенные ожидания. Каждый из сторон ждет от другой что именно она сделает первый шаг к более тесному общению.

Подводя итоги, стоит задаться вопросом, почему так мало репатриантов вернулись на родину? Возможный ответ на него мы находим в материале Элизабет Оуэн, которая пишет: «Самые непосредственные надежды связываются у них с установлением прямого воздушного и морского сообщения между Абхазией и черноморским портом Трабзон в Турции. Представители диаспоры, желающие посетить родные места, должны сейчас ехать через Сочи на территории РФ, чтобы добраться до Абхазии – кружным путем, для которого еще и требуется российская виза. Вариант проезда через Грузию вообще не рассматривается.

Некоторые члены диаспоры, совершившие такую поездку, были разочарованы тем, что реальность оказалась далека от сложившихся у них представлений. Ветхие здания и плохая телефонная связь очень огорчили одну пожилую женщину из Анкары. «Это было не то, что я ожидала», – сказала она со вздохом.

Сидя в принадлежащем диаспоре кафе в центре Сухуми, группа турецких абхазов недавно сетовала, что российские пограничники взимают по 5 долларов с каждого приезжающего в Абхазию, не фигурирующего в согласованных списках. «Они диктуют условия. Спрашивают, куда мы направляемся на территории Абхазии, когда, зачем?», – рассказывает молодой внешнеполитический аналитик из Анкары Аслан Явуз Сир. По словам Явуза Сиры, у некоторых путешественников из числа представителей диаспоры создалось такое впечатление, что «русские не хотят, чтобы мы возвращались назад» [15]. Есть основания предполагать что основной причиной настороженного отношения к представителям турецкой диаспоры являются опасения усиления мусульманского влияния в регионе.

Анализируя процесс репатриации, следует различать две основные группы репатриантов и учитывать, что само по себе сохранение идентичности не может быть абсолютной гарантией социальной адаптации на исторической родине. Эту проблему на данном этапе решить невозможно, поскольку мы имеем дело со столкновением двух взаимоисключающих стремлений: с одной стороны репатрианты стремятся организовать мусульманскую жизнь привычным для себя образом отбрасывая все что с их точки зрения является «загрязняющим» ислам в современной абхазской культуре. В то время, как коренные абхазы настаивают на необходимости для адаптации придерживаться привычного для них жизненного уклада.

Примечания

¹ Термин происходит от арабского слова «мухаджир» (переселенец), изначально обозначавшего сподвижников пророка Мухаммада, переселившихся с ним из Мекки в Медину, а в XIX веке – массовое переселение коренного населения Кавказа в Османскую империю.

Источники и литература

1. Дзидзария Г.А. *Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия*. Сухуми: Алашара, 1982. 530 с.
2. Инал-ипа Ш.Д. *Зарубежные абхазы. (Историко-этнографические этюды)*. Сухуми: Алашара, 1990. 138 с.
3. Аргун Ю.Г. Абхазы за пределами родины. // *Абхазы* / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун – М.: Наука, 2007. С. 451–476.
4. Кучбериа Л. *Араб тьылакук рычтьи апсуаа рхьылцифра ретнография акныть (Из этнографии абхазов арабских стран)* // *Алашара*. Сухуми, 1971. № 5. С. 13–18.
5. Гуажба Р. Х. *Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи...* (Историко-литератур-

- ное эссе). Сухум: Дом печати, 2014. 52 с.
6. Шинкуба Б.Б. Народы Западного Кавказа и Османская империя во второй половине XIX – первой половине XX вв. Махаджирство и его последствие // *Кавказ: история, культура, традиции, языки*. Сухум: Дом печати, 2004. С. 95–103.
 7. Гургulia Э. А. *Абхазы в структуре северокавказской диаспоры в арабском мире: XVIII–XX вв.* Автореферат дис. к.и.н. М., 2014. 25 с.
 8. Вардания Г.Р. Из истории возникновения Кавказской диаспоры (абхазы и адыги) // *Кавказ и глобализация*, Лулеа, 2007. Т 1 (2). С. 121–133.
 9. Лакоба С.З. *Очерки политической истории Абхазии*. Сухуми: Алашара, 1990. 153 с.
 10. Berkok I. *Tarihte Kafkasya*. Istanbul, 1958. 65 Pp.
 11. Цибенко (Иванова) В.В. Унификация в ответ на ассимиляцию: конструирование общности Северокавказской диаспоры в Турции // *Научная мысль Кавказа*, 2014. № 3. С. 75–81.
 12. ПМА 1 – *Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия в Гулрытиский район, поселок Агудзера, сс. Дранда, Мачара, город Сухум*. Август 2016 (информанты – Нанба А.Р. 1982 г.р., Маргания С. 1984 г.р., Шларба С. 1976 г.р., Аргун М. 1990 г.р., Маршан М. 1975 г.р. Джения А.И. 1959 г.р.
 13. Иванова В.В. Черкесская диаспора Турции и вопрос репатриации на историческую родину // *Черкесский вопрос в России в конце XX – начале XXI веков: геополитические легенды и историческая память. Мат-лы междунар. круглого стола (г. Ростов-на-Дону, 18 декабря, 2012 г.)*. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 53–60.
 14. Бутба, Беслан В Абхазии нарастает процесс «собрания нации» URL: <https://onkavkaz.com/news/775-v-abhazii-narastaet-process-sobiraniya-nacii.html> (время обращения 18.06.2018)
 15. Оуэн, Элизабет Абхазская диаспора мечтает о возвращении домой URL: <http://iamik.ru/news/computers-mobiles/66886/> (время обращения 10.06.2018).

References

1. Dzidzaria G.A. *Mahadjirianism and Abkhazia problems of history of the XIX century*. Sukhumi: Alashara, 1982. 530 p. (In Russ) [Dzidzaria G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletia*. Sukhumi: Alashara, 1982. 530 p.].
2. Inal-ipa SH.D. *Overseas Abkhazians (Historical ethnographic studies)*. Sukhumi: Alashara, 1990. 138 p. (In Russ) [Inal-ipa SH.D. *Zarubezhnye abhazy. (Istoriko-ehnologicheskie ehtyudy)*. Sukhumi.: Alashara, 1990. 138 p.].
3. Argun YU.G. *Abkhazians outside of the home country // Abhazy*. YU. D. Anchabadze, YU. G. Argun (ed.). M.: Nauka, 2007, P. 451–476 (In Russ) [Argun YU.G. *Abhazy za predelami rodiny // Abhazy*. YU. D. Anchabadze, YU. G. Argun (ed.). M.: Nauka, 2007, P. 451–476].
4. Kuchberia, L. *From ethnography of Abkhazians of Arab Countries // Alashara*. Sukhumi, 1971, № 5, P. 13–18 (in Abkh) [Kuchberia, L. *Arab t'yalakuy rycht'i apsuaa rhylcshchtra retnografia aknyt'* // Alashara. Sukhumi, 1971. № 5. P. 13–18]
5. Guazhba, R. *From history of Caucasian diaspora: abkhazi, ubikhi (Historical-literary essay)*. Sukhum: Dom pechati, 2004. 52 p. (in Russ) [Guazhba R. H. *Iz istorii Kavkazskoj diaspory: abhazy, ubyhi (Istoriko-literaturnoe esse)*. Sukhum: Dom pechati, 2014. 52 p.].
6. Shinkuba B.B. *West-Caucasian peoples and Ottoman Empire at the second half of the XIX–first half XX. Mahadjirianism and its consequences // Caucasus: History, Culture, Traditions, Languages*. Sukhum: Dom pechati, 2004, P. 95–103. (In Russ) [Shinkuba, B.B. *Narody Zapadnogo Kavkaza i Osmanskaya imperiya vo vtoroj polovine XIX – pervoj polovine XX vv. Makhadzhirstvo i ego posledstviya // Kavkaz: istoriya, kul'tura, tradicii, yazyki*. Sukhum: Dom pechati, 2004, P. 95–103].
7. Gurgulia, E.A. *Abkhazians in the structure of Arabic world' northcaucasian diaspora: XVIII–XX centuries*, PhD autoref., M., 2014. 25 p. (In Russ) [Gurguliya, E.A. *Abhazy v strukture*

- severokavkazskoj diaspory v arabskom mire : XVIII–XX vv. Avtoreferat dis. ... k.i.n. M, 2014. 25 s.].*
8. Vardaniya, G.R. *From the history of emergence of the Caucasian diaspora (Abkhazians and Circassians)* // *Caucasus and Globalization*, 2007, V. 1 (2), P. 121–133. (In Russ) [Vardaniya G.R. *Iz istorii vozniknoveniya Kavkazskoj diaspory (abhazy i adygi)* // *Kavkaz i globalizaciya*, 2007. T1 (2), P. 121–133]
 9. Lakoba, S.Z. *The sketches of Abkhazian political history*. Sukhumi: Alashara, 1990. 153 p. (In Russ) [Lakoba, S.Z. *Ocherki politicheskoy istorii Abhazii*. Suhumi.: Alashara, 1990. 153 p.].
 10. Berkok, Ismail *The History of Caucasus*. Istanbul, 1958. 65 p. (In Turk) [Berkok, Ismail. *Tarihte Kafkasya*. Istanbul. 1958. 65 p.].
 11. Tsibenko (Ivanova), V.V. *Unification as reply to assimilation: designing of generality of Northcaucasian diaspora in Turkey*. (In Russ) // *Scientific Thought of Caucasus*, 2014, No 3, p. 75–81. (In Russ) [Tsibenko (Ivanova) V.V. *Unifikaciya v otvet na assimilyaciyu: konstruirovanie obschnosti Severokavkazskoj diaspory v Turcii* // *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2014. № 3. p. 75–81.].
 12. FMA *Field materials of Author. Expedition in Gulripsh area, Agudzera settlement, Machara and Dranda villages, Sukhum town. August 2016*. (Informants: Nanba A.R. d.b. 1982, Margania S. d.b. 1984, Shlarba S. d.b. 1976, Argun M. d.b. 1990, Marshan M. d.b. 1975, Dzheniya A.I. d.b. 1959).
 13. Ivanova, V.V. *Turkish Circassian diaspora and the question of the repatriation // Circassian Problem in Russia at the end of XX–first half XX: geopolitical legends and historical memory. The materials of round table (Rostov-na-Donu, 18 dec. 2012)*. Rostov-na-Donu SKNC VSH YUFU, 2013, P. 53–60. (In Russ) [Ivanova, V.V. *Cherkesskaya diaspora Turcii i vopros repatriacii na istoricheskuyu rodinu // Cherkesskij vopros v Rossii v konce XX – nachale XXI vekov: geopoliticheskie legendy i istoricheskaya pamyat'*. Mat-ly mezhdunar. kruglogo stola (g. Rostov-na-Donu, 18 dekabrya, 2012 g.). Rostov-na-Donu: SKNC VSH YUFU, 2013. P. 53–60.].
 14. Butba, Beslan *The process of “consolidation of nation” growths in Abkhazia*, available at: <https://onkavkaz.com/news/775-v-abhazii-narastaet-process-sobiraniya-nacii.html> (accessed: 18.06.2018). (In Russ) [Butba, Beslan *V Abhazii narastaet process “sobiraniya nacii”*, available at: <https://onkavkaz.com/news/775-v-abhazii-narastaet-process-sobiraniya-nacii.html> (accessed: 18.06.2018)].
 15. Owen, Elizabeth *Abkhazian diaspora dreaming about of his repatriation*, available at: <http://iamik.ru/news/computers-mobiles/66886/> (accessed: 10.06.2018). (In Russ) [Owen, Elizabeth *Abkhazskaya diaspora mechtayet o vozvrashchenii domoy*, available at: <http://iamik.ru/news/computers-mobiles/66886/> (accessed: 10.06.2018)]

R.Sh. Zelnitskaya (Shlarba). Abkhazian Repatriates: Problems of Adaptation

The article is devoted to repatriates who, for various reasons, decided to return to their historical homeland at the edge of XX and XXI centuries and to the problems, they face in the process of adaptation. The article emphasizes the existence of two groups of returnees and draws attention to the difference between the problems faced by the representatives of each group. Among the existing problems, the most acute is the language.

Key words: *repatriates, Turkey, Syria, diaspora, adaptation.*